

**Р. Д. Дражева**

**ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОХРАНОЙ ЗДОРОВЬЯ,  
В ПРАЗДНИКЕ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ  
У ВОСТОЧНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН**

Сравнительное изучение культуры славянских народов помогает уяснить нерешенные вопросы их происхождения и позднейших культурных взаимосвязей. Сопоставление обрядности праздника летнего солнцестояния (24 июня н. ст.) у восточных и у южных славян могло бы внести известный вклад в разработку этой проблемы. Отдавая себе отчет о том, что для полного решения ее необходимо привлечение соответствующих материалов по западным славянам, а также соседним неславянским народам, автор рассматривает эту работу как начальный этап в исследовании большой проблемы. Такое ограничение продиктовано имеющимся у автора материалом.

В настоящей статье внимание сосредоточено лишь на одной и, пожалуй, наименее изученной стороне обрядности Иванова дня, которая связана с охраной здоровья человека. Мы не намереваемся давать обзор исторического развития купальских обрядов, постараемся лишь выявить общие их функции у восточных и южных славян, в частности магические действия обережного характера, связанные с огнем, водой и растительностью. Другие стороны купальской обрядности — аграрный культ, магия предохранения дома и хозяйства от различных бедствий — получили освещение в работе автора, опубликованной в Софии в 1972 г.<sup>1</sup> Настоящая статья написана по архивным и опубликованным материалам, относящимся к XIX — началу XX в.

В XIX — начале XX в. обрядность праздника летнего солнцестояния (Иван Купала у восточных славян, Еньовден, Ивандан — у южных) сохраняла еще свою целостность, и в ней можно было проследить древний магический смысл. Первостепенную роль в купальской обрядности как восточных, так и южных славян играли огонь, вода и растения, собранные в день праздника («ивановские травы»).

Представление о магической силе огня имело у восточных и южных славян вообще широкое распространение, к ней прибегали при необходимости в течение всего года. Но на Ивана Купалу этой силе приписывали особое могущество. Среди разных форм магического использования огня наиболее распространено было перепрыгивание через костры как способ исцеления от болезней, заговоров и чар. Украинцы верили, что таким образом можно вылечиться от 40 недугов; поверья белорусов и русских приписывали этому средству способность избавления от «немочей», «порчи» и заговоров<sup>2</sup>. В Сербии, Славонии, Хорватии и

<sup>1</sup> Р. Дражева, Аграрно-магически обреди, свързани с деня на лятното слънцестоеие при източните и южните славяни (XIX — нач. XX в.), «Известия на Етнографския институт и музей» (далее — Изв. ЕИМ), кн. XIV, София, 1972.

<sup>2</sup> Дмитриуков, Нравы, обычаи и образ жизни обитателей Судженского уезда в Курской губернии, «Московский телеграф», М., 1831, № 11, стр. 363; И. М. Снегирев, Русские простонародные праздники, вып. 3, М., 1839, стр. 34 и сл.; М. Семенов

Словении через огонь прыгали и молодые, и старики. В хорватской местности Полица при этом приговаривали: «Od Ivane do Ivana dne da me noge ne bole» («От Иванова до Иванова дня чтоб мои ноги не болели»). В Славонии матери проносили детей сквозь дым ивановского костра. В Словении в некоторых местностях перепрыгивали через огонь, опоясавшись коноплей (чтобы летом не болела спина), в других — обрядового костра грелись больные ревматизмом<sup>3</sup>.

В Болгарии обычай перепрыгивать через костры был засвидетельствован в юго-восточной части страны и тоже рассматривался как средство, предохраняющее от болезней и действий враждебных духов и обеспечивающее долголетие<sup>4</sup>.

С представлениями об очистительной силе огня связан и обычай сжигать на костре одежду больных детей. Поверье, что вместе с сорочкой больного ребенка сгорит и его болезнь, зарегистрировано в некоторых областях расселения русских, в Славонии и Хорватии<sup>5</sup>. В Сербии (район Грузи) крестьяне сохраняли в течение года угли из ивановского костра как средство от заразных заболеваний, а в Словении для этой же цели использовали его золу<sup>6</sup>.

Общим для восточных и южных славян являлось и представление о том, что вода в ивановскую ночь приобретает особые целебные свойства. Поэтому во многих районах до начала XX в. было принято в этот праздник купаться, омываться водой источников, кататься по росе, париться в банях.

В европейских губерниях России обрядовое очищение водой бытовало в самых разнообразных формах. Очень распространено было купание в реках и озерах, отмечаемое как на севере России (Архангельская, Петербургская, Новгородская губернии и др.), так и в центральных ее районах (Псковская, Костромская, Ярославская, Московская, Тульская, Рязанская губернии и др.). Однако в некоторых уездах Ярославской губернии, по сообщению С. В. Максимова, купание в Иванов день считалось опасным якобы из-за возможности встречи с водяным<sup>7</sup>. Кое-где ивановские купания проходили очень торжественно. Например, во Владимирской и Московской губерниях пока одни купались, другие водили с песнями хороводы. В некоторых уездах Московской губернии купание сопровождалось пиршествами<sup>8</sup>.

ский, Историко-этнографические заметки о Великих Луках и Великолуцком уезде, СПб., 1857; стр. 142; Д. О. Шеплинг, Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках, т. 1, М., 1862, стр. 39; А. Н. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, т. III, М., 1869, стр. 715; И. П. Сахаров, Сказания русского народа. Народный дневник. Праздники и обычаи, СПб., 1885, стр. 89—90; Н. П. Степанов, Народные праздники на Святой Руси, СПб., 1900, стр. 108; А. А. Коринфский, Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа, М., 1901, стр. 312; Е. Р. Романов, Быт белоруса, «Белорусский сборник», вып. 8, Вильна, 1912, стр. 295.

<sup>3</sup> В. Макушев, Задунайские и адриатические славяне, СПб., 1867, стр. 34; F. Ivanišević, Polica. Narodni život i običaji, «Zbornik za narodni život i običaji južnih slavena», кн. 10 (далее ZNŽO), Zagreb, 1905, стр. 52; Fr. Filakovac, Godišni običaji (Retkovci u Slavoniji), ZNŽO, кн. 19, Zagreb, 1914, стр. 173; V. Möderndörfer, Verovanja, uvere in običaji slovencev. dr. kn. II, Prazniki, Celje, 1948, стр. 293.

<sup>4</sup> М. Арнаудов, Студии върху българските обреди и легенди, София, 1924, стр. 112. Дополнительные устные сведения о некоторых селах Бургаского округа получены от И. Георгиевой.

<sup>5</sup> Л. В. Березин, Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница, т. III, СПб., 1879, стр. 557; см. также работы, указ. в прим. 2.

<sup>6</sup> П. Петровић, Живот и обичаји народни у Грузи, «Српски етнографски зборник» (далее — СЕЗ), кн. 57. 2 оделење, друштвених наука (далее — ОДН). «Живот и обичаји народни», кн. 26, Београд, 1948, стр. 249; В. Möderndörfer, Указ. раб., стр. 307. Обычай прыгать через костер, чтобы избавиться от различных болезней и от бесплодия, был широко известен у многих народов Европы.

<sup>7</sup> С. В. Максимов, Нечистая, неведомая и крестная сила, СПб., 1903, стр. 474—475.

<sup>8</sup> И. М. Снегирев, Указ. раб., вып. 3, стр. 39; А. В. Терещенко, Быт русского

Для русских характерно одновременное бытование нескольких форм очистительных обрядов, связанных с водой: например, утром парились в банях, а начиная с полдня купались в реках и озерах (севернорусские — Архангельская, Новгородская, Петербургская; среднерусские — Московская, Рязанская и другие губернии). В банные веники добавляли разные ивановские травы. Так, в Петербургской губернии пожилые люди парились свежими березовыми вениками с впитанными в них целебными растениями (крапива, лютик — «купальница», папоротник, богородская трава, иван-да-марья, ромашка, мята, полынь). Вплетая их в веники, приговаривали: «Приехала купаленка на семидесяти тележеньках, привезла нам купаленка добра и здоровья, богатства и почестей».

Сходные обряды были известны в Архангельской, Новгородской и Московской губерниях. В рязанских деревнях больных относили в баню на жгучей крапиве и парили их целебными травами<sup>9</sup>. Вероятно, поэтому праздник Купальницы (23 июня) местами назывался «Аграфена Купальница — лютые корни»<sup>10</sup>.

Целебная сила приписывалась в этот день и росе. Крестьянки Вологодской губернии на заре Иванова дня отправлялись на луг, здесь они волочили по мокрой траве полотно, затем выжимали из него влагу и мыли ею лицо и руки, чтобы прогнать болезни и предохранить лицо от прыщей и угрей<sup>11</sup>. Аналогичные действия совершались и в Вятской губернии, в окрестностях г. Котельнича. Там тоже «черпали росу» с помощью разостланных по траве платков и сохраняли ее как средство против глазных болезней<sup>12</sup>. В Орловской губернии катались до восхода солнца по росе, а в Пензенской купальской росой кропили еще и комнаты, чтобы не водились клопы и тараканы<sup>13</sup>.

Купание в реках и собирание ивановской росы были распространены и среди украинцев. Эти обряды бытовали у них в разнообразных формах и сочетались с перепрыгиванием через костры до или после очищения водой. Так, в Купянском уезде Харьковской губернии сначала купались с «Марышкой» (в других районах с Купайлой; Моранкой, Мареной и т. п.) — антропоморфной фигурой, сделанной из зеленых веток, трав, соломы), а потом прыгали через огонь. Купаясь, пели:

Утонула Марышка, утонула,  
Тільки й кісонька зірнула...<sup>14</sup>

В других местах бросали оторванные от Купайлы ветки в воду, а потом этой водой мыли голову, чтобы хорошо росли волосы. В третьих — входили в реку, зажав под мышкой горькую полынь, которую затем роняли в воду, чтобы «не зашекетали русалки». В Херсонской

народа, ч. 5—6, СПб., 1848, стр. 71—72; Д. О. Шеппинг, Указ. раб., т. 1, стр. 39; И. П. Сахаров, Указ. раб., стр. 81—82; Н. П. Степанов, Указ. раб., стр. 113; Д. Н. Ушаков, Материалы по народным верованиям великоруссов, «Этнографическое обозрение», кн. 29—30, № 2—3, М., 1896, стр. 199; М. Семевский, Указ. раб., стр. 144; А. С. Ермолов, Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, т. 1, СПб., 1901, стр. 339.

<sup>9</sup> А. В. Терещенко, Указ. раб., т. 5—6, стр. 72; «Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России», вып. II, «Труды Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», кн. XI, вып. 1, М., 1890, стр. 127; И. П. Сахаров, Указ. раб., стр. 81—82.

<sup>10</sup> А. С. Ермолов, Указ. раб., стр. 339; И. М. Снегирев, Указ. раб., стр. 39.

<sup>11</sup> С. В. Максимов, Указ. раб., стр. 474.

<sup>12</sup> С. Глушкова, Топографическо-статистическое и этнографическое описание г. Котельнича, «Этнографический сборник», вып. V, СПб., 1862, стр. 76.

<sup>13</sup> А. Трунов, Понятия крестьян Орловской губернии о природе физической и духовной, «Записки РГО по отд. этнографии», т. II, СПб., 1869, стр. 43; С. В. Максимов, Указ. раб., стр. 474.

<sup>14</sup> П. В. Иванов, Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии, «Сборник Харьковского историко-филологического общества», кн. 17, Харьков, 1907, стр. 163.

губернии сначала прыгали через огонь, а потом уже шли к реке и купались, не снимая венков. Новорожденных и больных детей окунали дома в воду, настоенную на ивановских травах<sup>15</sup>. Наряду с купанием на Украине был известен также обычай умыться в Иванов день водой, взятой из четырех колодезь<sup>16</sup>.

Аналогичные обряды бытовали и у белорусов<sup>17</sup>.

У русских и украинцев было широко распространено обрядовое обливание водой<sup>18</sup>. Местами в России этот обычай в конце XIX в. трансформировался в своеобразное развлечение деревенской молодежи: парни одевались в грязное старое платье и отправлялись с ведрами и кувшинами к реке. Там наполняли их мутной водой и обливали всех встречных, особенно девушек, делая исключение только для стариков и малолетних детей<sup>19</sup>.

Сходные обряды существовали и у южных славян. Так, болгары в Еньовден перед восходом солнца купались в реках, обычно с ивановскими венками на голове, с которыми потом возвращались домой. Они верили, что в это же время там «купаются солнце и болезни» и что, окунувшись в такую воду, человек весь год будет здоровым. Если в Иванов день обнаруживали воду в пересыхающих источниках, то считали, что ее «послало солнце» и, следовательно, она целебна, поэтому больные спешили омыться ею. Воду эту, кроме того, приносили в кувшинах домой, смешивали ее с речной, клали туда траву «еньовку» и мылись. В иных местах в воду добавляли специально приготовленный отвар из различных ивановских трав. В некоторых селах Восточной Болгарии этот обряд совершался и на Георгиев (Юрьев) день (23 апреля ст. ст.)<sup>20</sup>.

Обычай «кататься по росе» также хорошо известен болгарам, в том числе и мусульманского вероисповедания, но у последних он приурочен к Георгиеву дню<sup>21</sup>.

Мытье головы отваром из ивановских трав для роста волос и от головной боли практиковалось у болгар повсеместно в XIX и в XX вв.<sup>22</sup>

<sup>15</sup> В. Н. Ястребов, Материалы по этнографии Новороссийского края, собранные в Херсонской губернии, Одесса, 1894, стр. 37.

<sup>16</sup> В. В. Пассек, Очерки России в пяти книгах, кн. I, СПб., 1838, стр. 108; И. И. Срезневский, Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям, Харьков, 1846, стр. 23; Н. Ф. Сумцов, Культурные переживания, Киев, 1890, стр. 373.

<sup>17</sup> «Народные праздники, увеселения, поверья и суеверия у жителей Белоруссии, записаны К. Фалютыньским», «Вестник Европы», март и апрель, 1828, стр. 84; «Народы Европейской части СССР», т. I, М., 1964, стр. 790; М. Я. Гринблат, Белорусы. Очерки происхождения и этнической истории, Минск, 1968, стр. 276.

<sup>18</sup> «Народы Европейской части СССР», т. I, стр. 416, 707.

<sup>19</sup> С. В. Максимов, Указ. раб., стр. 475.

<sup>20</sup> Д. Маринов, Народна вера и религиозни народни обичаи, «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина» (далее — СБНУ), кн. XXVIII, София, 1914, стр. 489—490; З. Радева, Народен фолклорен материал от Пазарджик, Архив Етнографического института и музея Болгарской Академии наук (далее — Архив ЭИМ БАН), София, инв. № 11, стр. 50; М. Арnaudов, Българските празнични обичаи, София, 1918, стр. 120; Л. Каравелов, Памятники народного быта болгар, кн. I, М., 1861, стр. 233; С. Стамболиев, Празнични обичаи от Берковско, СБНУ, кн. XXI, 1905, стр. 46; Г. Раковски, Показалец, Одесса, 1859, стр. 11; «Родопа», 1930, № 7, стр. 2; И. Георгиева, Календарни празници от Габровски, Търновски, Шуменски и Търговишки окръзи (1969). Материалы, Архив ЭИМ БАН, инв. № 515 — II стр. 72, 74, 92, 94.

<sup>21</sup> Ст. Стойкова, Традиционни народни обичаи от с. Слатина, Ловешко (1953), Архив ЭИМ БАН, инв. № 221—II, стр. 52; И. Георгиева, Указ. раб., стр. 92; Л. Богданова, Материалы от Родопската експедиция (1962), Архив ЭИМ БАН, инв. № 236—II, стр. 94.

<sup>22</sup> Т. Колева, Материалы по народен календар от с. Дропла, Толбухинско (1966), Архив ЭИМ БАН, инв. № 324—II, стр. 10; ее же, Календарни обичаи и обреди (1967), Там же, инв. № 367—II, стр. 211, 335; ее же, Семейни обичаи. Трудови обичаи и обреди. Календарни обичаи и обреди (1967), Там же, инв. № 396—II, стр. 307, 382; И. Кепов, Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево, Дуп-

У сербов обрядовое очищение водой встречалось примерно в тех же формах, что и у русских, украинцев и болгар. Сербь купались в реках, обливались водой из источников, что нашло отражение в фольклоре:

«Ајте коло да играмо,  
Коло Купала,  
Младог Коледа!...  
Ко се вагре наиграо,  
Вагре чистеће,  
Воде мијеће?  
Ко се водом омивао,  
Водом студеном,  
Ладном изворном?»<sup>23</sup>

Сербь тоже мылись дома отваром из ивановских трав, а некоторые купали в нем детей, чтобы те хорошо росли. В отдельных местностях они совершали обрядовые омовения и в Георгиев день, например в деревнях по р. Мораве<sup>24</sup>.

Обрядовое купание в реках было распространено также у хорватов и словенцев. У последних, кроме того, в старину было принято обливаться водой у ивановского костра. Позднее этот обычай приобрел шуточный характер: парни заранее где-нибудь прятали посуду с водой и, когда девушки собирались около костра, они их неожиданно обливали<sup>25</sup>.

В Черногории рано утром на Ивандан обливались водой, а матери купали своих детей под каким-нибудь деревом или кустом, чтобы у них не было кожных болезней<sup>26</sup>.

С днем летнего солнцестояния совпадает период бурного цветения растений. В народе считали, что они приобретают в это время особую магическую силу и именно поэтому обладают лекарственными свойствами (выявленными вековым опытом). Собираение трав происходило в необычной обстановке и сопровождалось рядом магических действий. Травы собирались тайно. В России, как писал С. В. Максимов, «лихие мужики и бабы в глухую ночь снимают с себя рубахи и до утренней зари роют коренья...»<sup>27</sup>. В XVI и XVII столетиях такие «лихие люди» в России подчас преследовались как колдуны. Найденный у кого-либо неведомый корень или пучок неизвестной травы мог послужить поводом для подозрения в злом умысле. Поиманных накануне Иванова дня «ведунов» пытали, били батогами, чтобы «не повадно было носить и

нишко, СБНУ, кн. XLII, 1936, стр. 129; М. Арнаудов, Обичаи и песни от Источна Тракия, «Списание на Българската Академия на науките», кн. 6, клон историко-филологичен и философско-обществен, 4, 1913, стр. 115; е го же, Фолклор от Еленско, СБНУ, кн. XXVII, 1913, стр. 355; В. Дякович, Българска Бесарабия (историко-этнографски очерк), София, 1918, стр. 216; С. Руссеев, Народни обичаи от Бургазко, СБНУ, кн. III, 1890, стр. 275.

<sup>23</sup> М. Милојевић, Песме и обичаји укупног народа србског, кн. I, Београд, 1869, стр. 6.

<sup>24</sup> С. Грбић, Српски народни обичаји из среза Болсвачког, СЕЗ, кн. 14, 2 од., «Обичаји народа српског», кн. II, Београд, 1909, стр. 67; Д. Ђорђевић, Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави, СЕЗ, кн. XX, 2 од., «Живот и обичаји народни», кн. 31, Београд, 1958, стр. 390; М. Милојевић, Указ. раб., стр. 6.

<sup>25</sup> V. Mödgenböfger, Указ. раб., стр. 300; И. С. Ястребов, Обычаи и песни турецких сербов (в Призрене, Ипекџ, Мораве и Дибре), СПб., 1886, стр. 143; F. Ivanišević, Указ. раб., стр. 52.

<sup>26</sup> П. А. Ровинский, Черногория в ее прошлом и настоящем, т. II, ч. 2, СПб., 1901, стр. 200. Обычай купаться в реках и озерах, пить воду из целебных источников на заре Иванова дня имел широкое распространение в Европе, см.: Ст. Сабинин, «Купало», «Журнал Министерства народного просвещения», ч. XXXI, отд. 2, СПб., 1841, стр. 19; М. Арнаудов, Студии..., стр. 380; А. С. Ермолов, Указ. раб., т. I, стр. 344; В. В. Пассек, Указ. раб., кн. I, стр. 87; М. Милојевић, Указ. раб., стр. 11—12; Д. Фрзеев, Золотая ветвь, вып. 4, М., 1928, стр. 154.

<sup>27</sup> С. В. Максимов, Указ. раб., стр. 40.

собирают травы и корни»<sup>28</sup>. Но собирали травы не только «ведуны», каждая крестьянская семья запасалась ими на всю зиму. Об этом сложилась и поговорка: «Иванов день пришел, траву собирать пошел»<sup>29</sup>. Сами же власти иногда использовали этот обычай, чтобы запастись лекарственными растениями. Так, в 1657 г. царь Алексей Михайлович писал московскому стольнику Матюшкину: «...которые волости у тебя в конюшенномъ приказе ведомы, и ты-б. велешь тех волостей крестьянам ... июня в 23 день набрать цвету серебрянного да трав империновой да мятной с цветом и детлю и детельного корня, по 5 пудов...»<sup>30</sup>.

Той же тактики придерживалась и церковь. С одной стороны, она порицала собираніе растений в день Ивана Купалы, совпадающего с большим христианским праздником: «Къ рождеству праздника Иоанна Предтечи бесчинія какова и плясанія не творил ли еси? В лес по траву и по кореніе не ходил ли еси?..» — говорится в статуте XVII в.<sup>31</sup>. В то же время церковь использовала народный опыт в знаніи лекарственных растений. Она «освящала» их, чтобы затем объявить их целебными.

В народной медицине восточных славян ивановские травы применялись в виде отваров и настоев, ими окуривали больных и помещения, в которых те лежали. При этом русские и украинцы считали окуривание средством против самых разных болезней<sup>32</sup>, а белорусы применяли его «от переполоху» (испуга), порчи, от дурного глаза и пр.<sup>33</sup>.

Отвары из ивановских трав были у русских испытанным средством при простудных заболеваниях. Больных клали на распаренное сено, разложенное на жарко натопленной печи, и давали пить горячий отвар, приготовленный из чернобыльника (полынь обыкновенная — *artemisia vulgaris*), клевера (трилистник — *trifolium*) и мать-и-мачехи (*tussilago farfara*) или же из 12 различных трав, собранных в ночь на Ивана Купалу<sup>34</sup>.

Украинцы Саратовской губернии считали, что цветы из венка Моранки (Марены) помогают при различных недугах, потому старались сохранить их и при надобности поили больных настоем из этих цветов<sup>35</sup>.

У всех восточных славян известен обычай в ночь под Ивана Купалу искать под корнями полыни «земляной уголь»<sup>36</sup>. Русские употребляли его

<sup>28</sup> А. А. Коринфский, Указ. раб., стр. 311.

<sup>29</sup> И. Щуров, Календарь народных примет, обычаев и поверий на Руси, «Чтения Московского общества истории и древностей Российских», М., 1867, кн. 4, стр. 187; См. также: А. Архангельский, Село Давшино, Ярославской губернии, «Этнографический сборник», СПб., 1854, вып. 2, стр. 52; И. Бассанович, Материалы за санитарната этнография на България, ч. I. Ломский окръг, СбНУ, кн. V, 1891, стр. 79; И. Захариев, Каменица, СбНУ, кн. XL, 1935, стр. 226—227; Машкин, Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда, «Этнографический сборник», вып. 5, СПб., 1862, стр. 104; I. Хадж В. Василев, Южна Стара Сърбия, кн. I—II, Београд, 1899—1913, т. II, стр. 346; М. Цепенков, Средства, магии и обичаи от Прилеп, СбНУ, кн. XI, 1894, стр. 82.

<sup>30</sup> И. П. Калининский, Церковно-народный месяцеслов на Руси, «Записки РГО по отд. этнографии», т. 7, СПб., 1877, стр. 414.

<sup>31</sup> К. Мансінка, Religion der Ostslaven, t. I, Quellen, Helsinki, 1922, «F. F. Communications», vol. X, № 43, S. 255.

<sup>32</sup> И. П. Сахаров, Указ. раб., стр. 81; Н. П. Степанов, Указ. раб., стр. 111; Н. Ф. Сумцов, Указ. раб., стр. 144.

<sup>33</sup> Е. Р. Романов, Указ. раб., стр. 212; «Календарь по народным преданиям в Воложинском приходе Ошмянского уезда, Виленской губернии», «Записки РГО по отд. этнографии», т. 5, СПб., 1873, стр. 23.

<sup>34</sup> Д. И. Успенский, Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным, «Этнографическое обозрение», кн. 27, М., 1895, № 4, стр. 86.

<sup>35</sup> А. Н. Минх, Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии, «Записки РГО по отд. этнографии», т. XIX, вып. 2, СПб., 1890, стр. 107.

<sup>36</sup> «Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России», вып. II, стр. 148; А. Макаренко. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния, «Записки РГО по отделу этнографии», т. 36, СПб., 1913, стр. 84; А. Н. Афанасьев, Указ. раб., т. III, стр. 722; И. М. Снегирев, Указ. раб., кн. 3—4, стр. 39; А. С. Ермолов, Указ. раб., т. I, стр. 341, 345; И. П. Сахаров, Указ. раб., стр. 92.

при эпилепсии и депрессии («черной немочи»), а белорусы и украинцы давали это средство больным малярией<sup>37</sup>.

Южные славяне также широко использовали ивановские травы в лечебных целях. Эти травы сохраняли в течение года, применяя их в самых разных случаях: при простудных и глазных заболеваниях, при малярии, давали отвар роженицам, заболевшим неизвестной болезнью, девушкам и молодухам от дурного глаза; клали их в воду, когда купали детей на Еньовден и т. д.<sup>38</sup> Во многих районах Болгарии больных окуривали купальскими травами<sup>39</sup>.

Народная медицина сербов также широко использовала ивановские травы для лечения кашля, простуды, болезней сердца и других заболеваний<sup>40</sup>. Употребляли их в настое и отваре, внутрь и наружно. В некоторых местах (область Болеваца) к ивановским травам добавляли и другие («мей», «богородица»), старались сочетать физическое воздействие целебных растений с магическим. Например, после омовения настоем протаскивали больного сквозь венок, сплетенный в Иванов день. Венок висел в каждом доме над входной дверью<sup>41</sup>. В Лесковацкой Моравии (Сербия) накануне праздника собирали траву «дивјачке метле» (ее также называли «светојованске метле», отсюда и название праздника в этой местности «Св. Јован Метлар»), которую опускали в растительное масло и держали на солнце 40 дней. Такое лекарство давали от кашля<sup>42</sup>. В местности Шабач вплетали в ивановский венок репчатый лук, считая его после этого целебным и употребляя как средство против отеков (особенно ног). Эффективность действия лука «усиливали» специальным заговором, который произносили при растирании<sup>43</sup>.

Ивановские травы широко использовались и с целью оберега. Так, чтобы оградить себя и дом от разных напастей (болезней, несчастий, злых духов и т. п.), русские накануне Ивана Купалы в избах, на окнах, над дверьми развешивали крапиву, репейник, богородицкую траву и др.<sup>44</sup> У белорусов во все щели под окнами и дверями втыкалась крапива, а в некоторых местностях еще и ветви рябины, осины, березы и молодых

<sup>37</sup> П. П. Чубинский, Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край, т. I, СПб., 1872, стр. 82—83.

<sup>38</sup> Д. Маринов, Указ. раб., стр. 490—491; М. Арнаутов, Български народни празници, София, 1943, стр. 134—135; С. Стамболиев, Указ. раб., стр. 46; П. Чилев, Антични следи в празника Еньовден у балканските народи, Изв. ЕИМ, кн. 3—4, София, 1921, стр. 182; Х. Вакарелски, Българските празнични обичаи, София, 1943, стр. 80; его же, Български народни обичаи, София, 1960, стр. 38; С. Йорданов, Празнични обичаи и Ървания в Трънско, «Трънски край», София, 1940, стр. 235; И. Захариев, Пиянец, СБНУ, кн. XLV, София, 1949, стр. 185—186; его же, Кюстендилската котловина, София, 1963, стр. 392; С. Русакиев, Народни песни и приказки от Нови Пазар и с. Еньово, Новопазарско, СБНУ, кн. XLVII, 1956, стр. 462; Д. Вукатинов, Разни ѱрвания и представи от Софийско, СБНУ, кн. XIII, София, 1896, стр. 171; И. Кепов, Указ. раб., стр. 129; Т. Колева, Народни обичаи и обреди (1967), Архив ЭИМ БАН, инв. № 366—II, стр. 199; З. Радева, там же, инв. № 11, стр. 52; Х. Джембазки, Фолклорни материали от с. Радогина, Ботевградско, там же, инв. № 969, стр. 146; С. Стойкова, Указ. раб., там же, инв. № 221—II, стр. 54; Т. Димитрова, Празнични обичаи и обреди в стария Сливен, там же, инв. № 773, стр. 71; А. Айдарски, Етнографски материали от Девинско, там же, инв. № 995, стр. 160.

<sup>39</sup> Г. Раковски, Указ. раб., стр. 11; Л. Богданова, Указ. раб., стр. 94.

<sup>40</sup> М. Станојевић, Обичаји и веровања на Тимоку, «Гласник етнографског музеја у Београду», кн. 4, т. 4, Београд, 1929, стр. 46; С. Милосављевић, Српски народни обичаји из среза Омолског, СЕЗ, кн. 19, 2 од., «Обичаји народа српскога», кн. III, Београд, 1913, стр. 62; Ст. Тановић, Српски народни обичаји у Бевђелијској кази, СЕЗ, кн. 40, 2 од., «Живот и обичаји народни», кн. 16, Београд — Земун, 1927, стр. 72; П. Петровић, Указ. раб., стр. 247—248.

<sup>41</sup> С. Грбић, Указ. раб., стр. 67—68.

<sup>42</sup> Д. Борджевић, Указ. раб., стр. 390.

<sup>43</sup> М. Милићевић, Живот срба селяка, СЕЗ, кн. I, Београд, 1894, стр. 133.

<sup>44</sup> А. Можаровский, Отголоски старины и народности, Тамбов, 1903, стр. 5.

дубков<sup>45</sup>. В Витебской губернии окуривали дома ивановскими травами, если подозревали, что там побывал человек с дурным глазом или ведьма<sup>46</sup>. Украинцы развешивали в самой хате и под стрехой лопух (*arctium*) и полынь, а местами ветки осины, рябины и освященные в церкви вербовые ветки. В Подолии этот обычай дал и наименование празднику: «Иван Лопухатый». Против колдовства рассыпали перед воротами дома конопляный цвет и кашку (клевер). С той же целью на чердаке или под стрехой вешали венок, снятый с Марены (Купайлы)<sup>47</sup>. Проходя с Купайлой мимо хат, в которых, по мнению народа, жили женщины, занимавшиеся колдовством, пели:

«...В нашем Купайлы кущик мяты,  
Щоб не перешла видьма хаты»<sup>48</sup>.

Белорусы, русские и украинцы во время праздника носили на головах венки из ивановских трав, а под мышками полынь, которую, как уже говорилось, бросали в воду во время купания, чтобы избавиться от нападений ведьм и русалок. Украинцы дополнительно подпоясывались чернобыльником (полыню) для устранения болезней<sup>49</sup>.

В защитное действие ивановских трав верили и южные славяне. Так, болгары из окрестностей г. Разлога накануне праздника втыкали всюду в доме репейник и другие колючие растения, чтобы преградить доступ нечистой силе, насылающей «порчу». На окнах и дверях развешивали «еньовче» (*galium*) и «здравец» (*gaganium*) — для здоровья<sup>50</sup>. Этот обычай отразился в песне, записанной в окрестностях г. Пазарджика:

«Провикнал се зелен здравец  
От гора зелена:  
Нема цвете по-хубаво  
От мене, от мене...»<sup>51</sup>

В районе Благоевграда и в Родопах украшали дома и ворота цветами «жълта еничка» (*galium vegum*), «бела еничка» (*galium malugo*), ореховыми листьями<sup>52</sup>.

В с. Ередин около г. Оряхово (Северная Болгария) накануне праздника из травы «метлица» (*sorghum vulgare*) делали веники, которыми

<sup>45</sup> «Календарь в Воложинском приходе»..., стр. 22; М. Довнар-Запольский, Заметки по белорусской этнографии, «Живая старина», вып. 2—3, отд. 5, СПб., 1893, стр. 284; П. Бывалькевич, Иван Купала (в Углах Слуцкого уезда, Минской губернии), «Этнографическое обозрение», кн. XI, 1891, № 4, стр. 190.

<sup>46</sup> Е. Р. Романов, Указ. соч., стр. 212.

<sup>47</sup> Н. Ф. Сумцов, Указ. раб., стр. 144; И. М. Снегирев, Указ. раб., кн. 3—4, стр. 33; И. П. Сахаров, Указ. раб., стр. 91; П. П. Чубинский, Указ. раб., т. I, стр. 82; «Живая старина», 1895, вып. II, отд. 5, стр. 221; В. В. Пассек, Указ. раб., стр. 108; И. И. Срезневский, Указ. раб., стр. 23.

<sup>48</sup> П. П. Чубинский, Указ. раб., т. III, стр. 199.

<sup>49</sup> И. М. Снегирев, Указ. раб., кн. 3—4, стр. 31, 32; А. В. Терещенко, Указ. раб., ч. 5—6, стр. 72, 73, 79; В. В. Пассек, Указ. раб., кн. I, стр. 95; Д. О. Шепинг, Указ. раб., стр. 41; И. П. Сахаров, Указ. раб., стр. 91, 92; Н. П. Степанов, Указ. раб., стр. 108; Д. К. Зеленин, Очерки русской мифологии. вып. I. Умершие неестественною смертью и русалки, Пг., 1916, стр. 195, 260; П. П. Чубинский, Труды..., т. III, стр. 195; Н. Маркевич, Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян, Киев, 1860, стр. 10; М. Семевский, Указ. раб., стр. 144; Ю. Ф. Крачковский, Быт западнорусского селянина, М., 1874, стр. 135.

<sup>50</sup> А. Попов, Българомохамедански народни обичаи и народни песни от с. Бабякъ, Разложко (1939), Архив ЭИМ БАН, инв. № 90, стр. 9.

<sup>51</sup> З. Радева, Указ. раб., стр. 51.

<sup>52</sup> Л. Богданова, Указ. раб., стр. 94; И. Георгиева, Календарни празници от Благоевградски, Кюстендилски и Пернишки окръзи (1969). Архив ЭИМ БАН, инв. № 508—II, стр. 20.



подметали в Еньовден весь дом и непременно около очага, чтобы предохранить себя от болезней и прочих напастей<sup>53</sup>.

В старину на Еньовден болгарские девушки, украсившись венками (большим, перекинутым через плечи, и поменьше — на голове), ходили встречать солнце, чтобы весь год быть здоровыми<sup>54</sup>.

Среди болгар был распространен и другой обычай — пролезать сквозь большой венок. Когда-то такой венок делали в каждом доме, а позднее, с отмиранием обычая, у какой-нибудь пожилой женщины, блюстительницы старины. Венок плели под пение специальных обрядовых песен, а потом две девушки держали его, и все присутствующие — дети, девушки и женщины — пролезали сквозь него. После этого венок уносили на чердак дома или закрепляли под стрехой<sup>55</sup>.

Аналогичные обряды засвидетельствованы и в Сербии. Там накануне праздника Ивандан крестьяне украшали стрехи домов ивановскими венками для того, чтобы болезнь или другая беда не посетила дом. В Лесковачкой Моравии вешали один большой венок над входной дверью так, что всякий входящий и выходящий проходил под ним<sup>56</sup>; в Туреновце, вешая такой венок над дверью, приговаривали: «Китено и убаво, у здравле и веселе!» («Красиво и хорошо, к здоровью и веселью!»)<sup>57</sup>. Сербы, проживающие в Ярковце (Банат), клали ивановские венки на крышу дома<sup>58</sup>.

Сходные обычаи наблюдались у хорватов, словенцев, черногорцев. И там венки вешались под стрехой дома, на воротах, над входной дверью. Венки оставались до следующего Иванова дня<sup>59</sup>. Здесь был также широко распространен обычай ношения венков на голове для избавления от головной боли, а в некоторых районах Хорватии верили, что при этом самые опасные болезни не пристанут к человеку<sup>60</sup>.

Рассмотренные материалы позволяют заключить, что первоначальный смысл этих обрядовых действий состоял не только в том, чтобы очиститься перед началом полевых работ, как это полагают Е. Г. Кагаров и В. И. Чичеров, но и в том, чтобы вообще «запасться» здоровьем:

<sup>53</sup> Д. Маринов, Указ. раб., стр. 505.

<sup>54</sup> Ц. Гинчев, Нещо по българската народна медицина, СБНУ, кн. III, София, 1890, стр. 90.

<sup>55</sup> Д. Маринов, Указ. раб., стр. 490—491; М. Арнаудов, Български народни празници, стр. 134—135; С. Стамболиев, Указ. раб., стр. 46; П. Чилев, Указ. раб., стр. 182; Х. Вакарелски, Български празнични обичаи, стр. 80; его же, Български народни обичаи, стр. 38; Т. Колева, Народни обичаи и обреди, стр. 199; З. Радева, Указ. раб., стр. 52; Х. Джембазки, Указ. раб., стр. 146.

<sup>56</sup> М. Милићевић, Указ. раб., стр. 133; М. Милојевић, Указ. раб., стр. 8; В. Карадић, Живот и обичаји народа српскога, Беч, 1867, стр. 67; его же, Српски рјечник, Београд, 1935, стр. 224; С. Грбић, Указ. раб., стр. 67—68; Г. Бабовић, Оролик (историја, живот и обичаји једног сремског села), СЕЗ, кн. LXXVI, 2 од., «Живот и обичаји народни», кн. 34, Београд, 1963, стр. 64; В. Карић, Србија (опис земље, народа и државе), Београд, 1887, стр. 181; И. М. Снегирев, Указ. раб., кн. 3—4, стр. 28; А. В. Терещенко, Указ. раб., кн. 5—6, стр. 54.

<sup>57</sup> Д. Ђорђевић, Указ. раб., стр. 390.

<sup>58</sup> Б. Ђорђе, Живот и обичаји народни у Јарковцу (у Банату), «Зборник матице српске», Серија друштвених наука, № 9, Нови Сад, 1954, стр. 128.

<sup>59</sup> П. А. Ровинский, Указ. раб., т. II, ч. 2, стр. 200; «Pod vernim krovom, ob ljudskih običajih, god. 1946», стр. 23—24; V. Möderndörfer, Указ. раб., стр. 307—311. Словенцы наряду с ивановскими венками часто втыкали под стрехой дома папоротник. В некоторых местностях всюду оставляли опаленные ивановские венки, см.: V. Rožič, Prigorje. Narodni život i običaji. ZNŽO, кн. XIII, Zagreb, 1908, стр. 35.

<sup>60</sup> А. В. Терещенко, Указ. раб., кн. 5—6, стр. 66; J. Filakovać, Указ. раб., стр. 173; И. Синдик, Дубровник и околина, СЕЗ, кн. 38, 1 од., «Насеља и порекло становништва», кн. 23, Београд, 1926, стр. 103; М. Милојевић, Указ. раб., кн. I, стр. 9—10; Л. В. Березин, Указ. раб., т. 3, стр. 555. Обычай украшать свои дома ивановскими травами, особенно вешать их над входной дверью, чтобы уберечься от злых духов, молний, ядовитых змей и других несчастий, был широко распространен среди скандинавских и других народов Европы (см.: Ст. Сабинин, Указ. раб., стр. 19; М. Арнаудов, Студии..., стр. 117).

купаюсь в реках, якобы смывали с себя болезни и недуги; катаюсь по росе, избавлялись от кожных заболеваний; прыгая через костры, исцелялись от различных недугов и бесплодия.

Рассматривая ивановскую обрядность в историческом аспекте, можно отметить бытование на позднем этапе как первичных ее форм, так и позднейших наслоений и модификаций.

Такие обряды, как перепрыгивание через костры, обычай переносить детей сквозь дым огня, можно считать древнейшими. Сжигание одежды больных детей в купальском костре, по-видимому, более поздняя форма.

Примерно то же самое можно отметить и в обрядовых действиях, связанных с водой. Старинными обычаями, по всей вероятности, являются купание в реках, катание по росе. Подтверждение этому находим и в старых документах. Так, в Стоглаве (1551), осуждающем бесовские игры, говорится: «...и егда нош мимо ходит, тогда отходят к рѣце с великим кричанием, аки бесы омываются водою». Об обрядовом купании упоминается и в статутах XVII и XVIII вв., и в «Кормчей»<sup>61</sup>.

К более поздним формам следует отнести купание в избе и в бане. В пользу этого свидетельствует тот факт, что, моясь дома в корытах, добавляли туда речную воду и ивановские травы (украинцы, болгары, сербы), парились в банях вениками с вплетенными в них жгучими растениями или устилали пол бани крапивой, лютиком (русские). В Румянцевском сборнике 1754 г. говорится: «В Ивановскую ночь клады стерегут и на травах парятся в банях»<sup>62</sup>.

К наиболее поздним формам можно отнести обрядовое мытье головы, чтобы волосы гуще росли и не болела голова в течение года (болгары); купание детей в корытах с добавлением отвара из ивановских трав, чтобы были здоровы и быстрее росли (украинцы, болгары и др.). Эти формы бытовали особенно долго.

В целом, к концу XIX — началу XX в. наблюдалась довольно пестрая картина: одновременно с более поздними формами продолжали бытовать и архаичные. В одних и тех же местностях на Ивана Купалу (Еньовден, Ивандан) и парились в банях, и купались в реках и озерах. Некоторые формы обрядности потеряли к этому времени свое первоначальное содержание. Так, обрядовое обливание у русских и словенцев приняло уже характер молодежного развлечения.

Следует также отметить, что обрядность Иванова дня, связанная с водой, обнаруживает сходство с соответствующими ритуалами других, близких ему по содержанию праздников календарного года (катание по росе у болгар, а также купание в реках у сербов в Георгиев день).

Магическую практику в более чистом ее виде представляют прежде всего все разновидности апотропейных форм — первоначально с применением отпугивающих средств, отвечающих самым конкретным и примитивным представлениям об этом свойстве (втыкание крапивы, репейника и других колючих и едких растений в щели дома, настиление крапивы в банях, ношение полыни под мышками и т. д.). Дальнейшее развитие сравнительно примитивных форм магии идет по пути постепенного отрыва от элементарно-наглядных представлений и складывания такого рода магической практики, воздействие которой уже не может быть объяснено свойствами используемых растений.

К наиболее архаичным формам обычаев, связанных с растениями, следует отнести в первую очередь те, в которых легче всего обнаружить изначальное функциональное их значение. Таковы элементарные виды

<sup>61</sup> И. П. Сахаров, Указ. раб., стр. 88; А. И. Афанасьев, Указ. раб., т. III, стр. 716.

<sup>62</sup> Ф. Буслаев, Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I, СПб., 1861, стр. 482. В этих формах наблюдается соединение магической силы воды и целебных свойств трав.

контагиозной магии: опоясывание ивановскими травами, ношение венков на голове, а также окуривание, но последнее представляется более абстрактной и поэтому, возможно, более поздней формой магической практики.

Близкая к ним, но все-таки еще более поздняя форма, возникшая в процессе развития абстрактных представлений—пролезание сквозь венки или прохождение под ними. Самими поздними, связанными с влиянием христианства, можно считать обычаи оставлять такие венки в церкви, посвящать в церкви ивановские травы.

Нужно заметить, что независимо от однократного характера всех этих обрядовых действий считалось, что магическая сила трав сохраняется весь год.

Несмотря на разнообразие деталей, наблюдаемых у восточных и южных славян, в обрядах, связанных с охраной здоровья, нетрудно выявить и их общие формы: перепрыгивание через костры (использование магической силы огня как очистительного и апотропейного средства), купание в реках и озерах, катание по росе, приготовление отваров из ивановских трав (в качестве лекарств), развешивание ивановских трав в доме, ношение венков на голове и поясов из ивановских трав и пр.

С другой стороны, в магической практике, связанной с охраной здоровья, наблюдаются формы, характерные только для определенной этнической группы: так, обычаем искать уголь под корнями полыни (лечебное средство), а также носить полынь под мышками (апотропей) отличает восточнославянскую обрядность, а обычаем пролезать сквозь ивановский венок или проходить под ним — южнославянскую.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что ряд магических действий, общих для южных и восточных славян, имеет многочисленные параллели не только у западнославянских, но и у других европейских народов (обычай перепрыгивать через костры, купание в реках, собирание росы, украшение дома ивановскими травами), и этот факт может стать предметом дальнейших исследований как в генетическом, так и историко-типологическом плане.

---